

May 5, 1955

**Letter, Ali Reza ekmat to CPSU Central Committee
Secretary Khrushchev, via Ram, General Secretary
of the People's Party of Iran**

Citation:

"Letter, Ali Reza ekmat to CPSU Central Committee Secretary Khrushchev, via Ram, General Secretary of the People's Party of Iran", May 5, 1955, Wilson Center Digital Archive, RGANI, f. 5, op. 28, d. 347. Department for Relations with Foreign Communist Parties (International Department of the Central Committee), 1953-1957, microfilm, reel 83. Contributed by Roham Alvandi and translated by Gary Goldberg.
<https://wilson-center-digital-archive.dvincitest.com/document/119681>

Summary:

This letter from Ali Reza Hekmat requests housing and work in Moscow due to the fact that the agreed upon arrangements for his living and working in Tashkent did not come to fruition and worsened his health.

Original Language:

Russian

Contents:

Original Scan

Translation - English

Перевод с персидского

ЧЕРЕЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ НАРОДНОЙ ПАРТИИ ИРАНА
г. РАМ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ

от иранского политэмигранта, члена
НПИ Али Реза Хекмета

Прошу разрешить мне еще раз изложить Вам свое прошлое и свою настоящую жизнь с надеждой на справедливость марксизма, руководства КПСС и Вашу лично, а также с полной уверенностью в том, что будет обращено больше внимания на мои просьбы и в отношении меня будут приняты решения с учётом моего здоровья и материального состояния.

Я в качестве политэмигранта после участия в освободительной борьбе народов моей родины в 1947 г. прибыл в страну социализма, в мою вторую родину, и оплот всех свободолюбивых народов мира. В 1948 г. в Москве меня арестовали и шесть лет и три месяца я находился в заключении в Сибири. Я утратил лучшие годы своей молодости и тяжело заболел (туберкулез, болезнь сердца, общее расстройство нервной системы, ревматизм, геморрой). Я хотел никому не жаловаться на свое прошлое и забыть об этом. Однако моё нынешнее положение вынудило меня изложить все это Вам, чтобы Вы могли лучше понять мое настроение. Самым страшным и трудным периодом моей жизни были те семь месяцев, когда я находился под следствием. Ко мне применяли пытки по системе Берия, после которых мои нервы и сердце пришли в негодность, а волосы поседели. От ударов резиновыми палками по голове (с целью вынудить у меня признание, что я приехал в СССР с шпионскими целями) я неоднократно терял

21920

150
#.

сознание и по несколько месяцев не мог двигаться. Сейчас я страдаю сильными головными болями.

Пытки отняли у меня здоровье и молодость, но у меня осталась непоколебимая вера и убеждения.

После ареста Берия, когда меня освободили, я имел возможность вернуться в Иран и зная, что этого хотят мои старшие отец и мать, а также остро нуждаясь в отдыхе и лечении, пренебрег всем этим, отказался вернуться в Иран и показал, что никакие пытки не могут совратить меня с истинного пути. Вместо того, чтобы пойти в иранское посольство, на деньги, которые прислала мне моя семья для возвращения в Иран, приехал в Москву и с сердцем, полным надежды, пошел в ЦК КПСС, где заявил о своем желании остаться в СССР. Я был уверен, что товарищи из ЦК и мои партийные товарищи окажут мне поддержку. Члены ЦК НПИ официально сообщили в ЦК КПСС о моем стремлении остаться в СССР. Я лично в своем письме на Ваше имя просил разрешить мне это и устроить меня в Москве.

Однако к сожалению после 10 месяцев ожиданий по предложению представителей из ЦК КПСС я был отправлен в Ташкент. Мне говорили о том, что в Ташкенте для меня будут созданы хорошие условия, будет предоставлена работа и меня обеспечат жильем. Меня заверили, что я смогу там хорошо устроиться. 15 апреля я выехал в Ташкент и прибыл туда 19 апреля. Как мне было сказано в Москве, я обратился в ЦК КП Узбекистана к т. Пономареву и просил его о работе в Институте Востоковедения, а также о квартире. Он сказал, что никакого разговора с ним о моем устройстве в Институт Востоковедения не было. Через несколько дней он порекомендовал мне обратиться самому в этот Институт. В Институте мне сказали, что они не могут принять меня без решения Президиума Академии наук.

В
ЦК
к 5754
р. 344
атор
ова Т.К.

Относительно моей квартиры т. Пономарев сказал, что в Ташкенте очень трудно с жилплощадью и сейчас нет ничего, чтобы они могли мне предложить. Меня поместили в гостинице и дали письмо в ОВИР, где было указано, что в гостинице я буду жить в течение месяца. За один день пребывания в гостинице я израсходовал 45 рублей, а за все дни, что я был находился - 500 рублей. Я понял, что на такие расходы у меня нет возможности.

Через некоторое время мне сказали, что за городом на Луначарском шоссе в детском городке, что в 10 км. от города и на дорогу до которого требуется 1 1/2 часа, отстраивается новый дом и в нём мне будет предоставлена коината. (В этом доме нет воды и отопления). Учитывая, что этот дом так далеко расположен от центра города, этот вариант ни в коем случае не устраивал меня, т.к. за время пребывания в Ташкенте здоровье мое еще более ухудшилось я обратился к врачу и он сказал мне, что по состоянию моего здоровья ташкентский климат для меня не подходит, т.к. во время жары, которая наступит летом, мое здоровье может ухудшиться. Ввиду того, что жизнь в Ташкенте для меня не возможна и опасна, то я уведомил об этом ЦК и уехал. Деньги (1400 руб.), оставшиеся от тех, что мне были даны Красным Крестом, я готов вернуть, а остальные верну, когда начну работать.

Как человек, который потерял все, но у которого осталась большая воля к борьбе и преданность тому делу, за которое он боролся, еще раз прошу Вашего указания, чтобы мне дали любую работу, какую Вы сочтете нужным, но которую я смогу выполнять, учитывая моё состояние. Я прошу также, чтобы мне дали комнату в Москве, чтобы я смог создать свой дом, жить спокойно по близости от

товарищей из ЦС НПИ и восстановить свои силы для борьбы.

Если у КПСС и советских организаций нет ко мне достаточного политического доверия, то я прошу учесть, что я отказался вернуться в Иран (это я решил уже десять месяцев тому назад, сразу же после освобождения, когда к этому была полная возможность) и разрешить мне выехать в одну из стран Европы, где я, получая материальную помощь от своей семьи, буду продолжать жить как политэмигрант до тех пор, пока не будет определена судьба моих товарищей по партии и свобода моей родины. Прошу Вас помочь мне в моём отъезде.

В своей судьбе я полагаюсь на марксистское суждение и на Вашу совесть.

Али Реза Хекмат.

5.V.1955 г.

Элв

754
347
Р
Т.К.

و تمام دلجوئی‌ها را از یکجندی که همه چیز را بدست می‌خورد و در او مبارزات و همه چیزها از دست داده ولی
 و با نادر است خرد را خطا بخورد است تنها بنام رکنه را بنامید که با او این بر سر کار می‌گردد که صلاح
 و با حال مرا می‌بینی باز کار است و یک اطاق در سکه می‌ارکان دارد از کجا که با تکلیف‌ها دارد و یک
 زندگی متوسط و آرام در کنار رفت می‌گفته نوری و ظریف خود و لام در دمی خود را تکلیف دارد و
 اکتفا به مختلف و بدست می‌رود خرد است و با دلگرمی خرد را برای مبارزات آینه حاف می‌خورد
 و در همه سکه می‌اطمینان می‌باید خرد را در سکه با ضرب سکه بنیت در دمی که نوری از دست
 دارد و مشاغل با تمام از خرد که شکیبا و شرافتند با شرافت ام صلب اطمینان تمام با اجازه و
 امکان کار و زندگی در سکه برای اینجانب می‌بیند و با توجه به اینکه در وضع حاضر این به ارجحت
 به ایران برود و (ای موهبت و اورد ده او پیش پس از آزادی از زندان در حالیکه برای آن امکان
 داشت ثابت کرده ام) لذا خواهش می‌کنم است اجازه دارد شود که بقیه پرونده مهاجرت می‌باید خود را
 تا تعیین بر نوبت رفتاری جزئی و آزادی می‌بندم در کلی از کورهای اروپایی با کمک مالی از طرف
 خانواده ام بر برود و دست‌نویس برای مبارزات اینجانب اقدام مقتضی بعمل آید
 سر نشین و زندگی خود را و الله را به قصاصت مبارکیت می‌وود و در آن تمام بنام

5/5/55

5734
347
pp
a T.K.

Translation from the Persian

TO CPSU CC SECRETARY Cde. KHRUSHCHEV VIA Cde. RAM, GENERAL SECRETARY OF THE PEOPLE'S PARTY OF IRAN [NPI]

from Ali Reza Hekmat, NPI
member and political émigré

Please permit me to again describe to you my past and my present life with the hope of the fairness of Marxism guided by the CPSU and you personally, and also with complete confidence that greater attention will be paid to my requests and decisions and with respect to me taking into account my health and material circumstances.

I arrived in the country of socialism, my second homeland and bulwark of the freedom-loving peoples of the world, in 1947 as a political émigré and after participation in the liberation struggle of the peoples of my country. In 1948 I was arrested in Moscow and was imprisoned in Siberia for six years and three months. I lost the best years of my youth and fell seriously ill (tuberculosis, heart disease, a general disorder of the nervous system, rheumatism, and hemorrhoids). I didn't want to complain to anyone about my past and to forget about this. However, my current situation has forced me to describe all this to you so that you would be better able to understand my mood. The most terrible and difficult period of my life were those seven months when I was under investigation. The tortures of the Beria system were employed against me, after which my nerves and heart gave out and [my] hair turned gray. I repeatedly lost consciousness and could not move for several months from the blows of rubber clubs on [my] head (in order to force a confession from me that I had come to the USSR for espionage purposes). Now I suffer from strong headaches.

The tortures took away my health and youth, but my unwavering faith and convictions remained.

After Beria's arrest, when they released me, I had an opportunity to return to Iran and knowing that my elderly father and mother want this, and I also was in acute need of rest and treatment. I ignored all this, refused to return to Iran, and showed that no tortures can turn me from the true path. Instead of going to the Iranian Embassy for the money which my family had sent me to return to Iran I arrived in Moscow with a heart full of hope and went to the CPSU CC, where I declared my wish to remain in the USSR. I was confident that the comrades from the CC and my Party comrades would support me. NPI CC members officially informed the CPSU CC of my desire to remain in the USSR. In my letter to you I personally requested that I be permitted this and be settled in Moscow.

However, unfortunately after 10 months of waiting, I was sent to Tashkent at the suggestion of representatives from the CPSU CC. They told me that good conditions would be created for me in Tashkent, work would be offered me, and that I would be provided with housing. They assured me that I would be able to settle in there well. I left for Tashkent on 15 April and arrived there on 19 April. As I was told in Moscow, I turned to the CP CC of Uzbekistan, to Cde. Ponomarev, and asked him about work in the Institute of Oriental Studies, and also about an apartment. He said that there had been no discussion with him about my arrangement in the Institute of Oriental Studies. Some days later he recommended I turn to this Institute myself. In the Institute they told me that they cannot accept me without a decision of the Presidium of the Academy of Sciences.

Regarding my apartment Cde. Ponomarev said that it is very difficult with housing in Tashkent and there is nothing right now that they can offer me. They put me in a

hotel and gave a letter to the OVIR [Visa and Registration Department] where it indicated that I would live in the hotel for a month. I spent 45 rubles in one day's stay in the hotel and for all the days I was there, 500 rubles. I understood that I have no possibility of such expenditures.

Some time later they told me that I will be offered a room in a new building being constructed outside the city on Lunacharsky Highway in a children's community 10 km to which it takes an hour and a half on the road to reach from the city. (There is no water or heat in this building). Considering that this building is located so far from the center of the city this alternative did not suit me in any event since during the time in Tashkent my health became even worse; I turned to a doctor and he told me that based on the condition of my health the Tashkent climate is not suitable for me since my health might worsen during the heat which comes in the summer. In view of the fact that life in Tashkent was not possible for me and dangerous I notified the CC of this and left. I am ready to return the money (1,400 rubles) left from that which was given me by the Red Cross, but I will return the remainder when I begin work.

As a person who has lost everything but in whom remains a great will to fight and a devotion to that cause for which he has fought, I again ask for your instructions so that I am given any work you consider necessary, but which I will be able to perform, considering my condition. I also ask that I be given a room in Moscow so that I can create my home, live quietly close to comrades from the NPI CC, and restore my strength for the struggle.

If the CPSU and Soviet organizations do not have sufficient political trust in me then I request it be taken into consideration that I have refused to return to Iran (I decided this 10 months ago, immediately after release when I was given a full opportunity) and allow me to go to one of the countries of Europe where I, having received material aid from my family, will live quietly as a political émigré until the fate of my Party comrades and the freedom of my homeland is decided. Please help me in my departure.

I am pinning my hopes on a Marxist judgment and your conscience.

Ali Reza Hekmat

5 May 1955

3lv

[several handwritten pages in Persian follow, also dated 5 May 1955, presumably the original]